УДК 811.161.1.06

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.1.26

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПРОЗА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

© Д. Д. Ложкина

*Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.**Тел.: +7 (347) 229 97 21.**Email: salieri09@gmail.com*

Статья посвящена особенностям фантастической прозы как объекта лингвопоэтического анализа. Сформулированы главные теоретические положения и цели лингвопоэтического анализа данных текстов на основе их поэтологических характеристик. Выдвигается тезис о том, что возможна выработка алгоритма комплексного лингвопоэтического анализа фантастических текстов не только на основе собственно лингвопоэтических методов, но и с привлечением методов и теорий, разрабатываемых в других областях языкознания. Приводится краткий анализ некоторых наиболее распространенных в фантастике стилистически маркированных единиц.

Ключевые слова: лингвопоэтика, фантастическая проза, реалии, лингвокреативность, остранение, вторичные тексты.

Введение

Уже долгое время фантастическая литература сохраняет как свою популярность среди читателей, так и репутацию «второсортной» литературы, не заслуживающей академического интереса. При этом фантастика как способ художественного осмысления реальности оказывает значительное влияние на современную культуру, что проявляется не только в популярности так называемых «фантастических блокбастеров», но и в активном использовании «элемента необычайного» большой литературой.

Целью нашей работы является обобщение теоретических основ лингвопоэтического исследования фантастической прозы на основе описания характеристик, обуславливающих особый опыт прочтения фантастических произведений.

**Поэтологические (связанные с поэтикой) особенности фантастической прозы:
лингвокреативная игра, баланс между
остранением и правдоподобием
изображаемого**

Традиционным в исследованиях фантастики является комментарий о сложности определения объема понятия «фантастическая литература». В нашей работе под фантастикой мы подразумеваем произведения, объединенные существенностью значимостью фантастического начала в тексте и маркетинговым позиционированием конкретных текстов. Второй фактор не имеет отношения ни к литературоведению, ни к жанрологии, но, тем не менее, является важнейшим при выборе текстов для исследования, поскольку именно он фиксирует то неподдающееся определению представление среднего читателя о фантастической литературе, единое определение которой до сих пор не сформулировано исследователями (подробнее о несовершенстве терминологии см.: [6, с. 60–70]). Произве-

дения, выделенные на основе этих двух факторов, позволяют выявить «ядро» фантастики – тексты, которые наиболее ярко (что не всегда говорит об их художественной ценности) демонстрируют особенности данной области литературы. Заметим, что такой подход к определению фантастики не ставит своей целью исключить из этой области литературы тексты в жанре магического реализма или произведения, в которых фантастический элемент бесспорно присутствует, но которые не ассоциируются ни у читателей, ни у подавляющего большинства исследователей с «фантастикой» (например, «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова, рассказы Х. Л. Борхеса, роман А. Иванова «Сердце Пармы»). Такие тексты мы относим к периферии фантастической литературы, не исключая их из этой области литературы полностью.

Присутствие в фантастическом повествовании элемента необычайного обуславливает особый опыт прочтения данных текстов. Читатель преодолевает более высокий «порог вхождения» в текст, заключая с автором своего рода договор: читатель соглашается принять то или иное фантастическое допущение взамен на правдоподобие изображаемого. Более подробно эти положения разрабатываются в работах Е. Н. Ковтун [6, с. 7], важные замечания относительно особенностей научно-фантастического дискурса делают А. В. Олянич и Л. М. Рыльщикова, принимая за базовый признак данного дискурса лингвокреативность, которая проявляется, в частности, в особой дискурсивной дихотомии «агент-клиент», «в которой обязательно присутствие креативного агента, создающего нетривиальные знаки и вбрасывающего в коммуникативную среду новые концепты (писатель-фантаст), и наличие специфического клиента – читателя, являющегося поклонником научной фантастики, принимающего и одобряющего футуристические образы и события ее сюжета» [11, с. 242], что еще раз от-

мечает и особый механизм восприятия фантастических произведений, и их языковое своеобразие. Несмотря на то, что работа исследователей посвящена именно научной фантастике, основные ее положения применимы и к фэнтези.

Таким образом, восприятие фантастического текста происходит в рамках лингвокреативной игры между автором и читателем, успешность которой зависит от равновесия принципа «остранения» и принципа правдоподобия изображаемого. Соблюдение данного равновесия определяет необходимость использования автором тех или иных языковых средств для воздействия на читателя. Заимствуя понятийный аппарат В. Шкловского [14], можно сказать, что восприятие фантастического произведения всегда лишено автоматизма, оно осложнено самой спецификой восприятия художественного изображения необычайного. Фантастическая проза всегда характеризуется усложненным взаимодействием внутри триады «автор-текст-читатель», связанным реализующимися прагматическими установками текста и автора [1, с. 16–17].

Чаще всего центром повествования о необычайном является конструируемый автором фантастический мир, который неразрывно связан с идейно-тематическим планом произведения. Для создания этого мира писатели используют различные языковые приемы, являющиеся важнейшими элементами текста, которые раскрывают внутреннюю логику изображаемого и характеризуют персонажей. Их актуализация и взаимодействие в тексте непосредственно выражают идейно-тематическое содержание произведения.

Лингвопоэтический анализ фантастической прозы: основные теоретические положения и методы

Под лингвопоэтикой мы понимаем, следуя определению А. А. Липгарта, область филологии, в рамках которой «стилистически маркированные языковые единицы, использованные в художественном тексте, рассматриваются в связи с вопросом об их функциях и сравнительной значимости для передачи идейно-художественного содержания и создания эстетического эффекта» [9, с. 18]. Лингвопоэтика интегрирует множество лингвистических методов, при необходимости привлекая и данные литературоведческих исследований. А. А. Липгарт справедливо замечает, что лингвопоэтический анализ «наиболее продуктивен применительно к тем художественным произведениям, где можно наблюдать сознательную работу писателя или поэта над языком» [9, с. 110].

Основные положения лингвопоэтики развивались в трудах В. В. Виноградова, Л. В. Щербы, Б. В. Томашевского, но их идейными предшественниками можно назвать представителей русской формальной школы. Так, работа Б. М. Эйхенбаума, посвященная «Шинели» Н. В. Гоголя, ставит один

из важнейших вопросов в отношении художественного текста, актуальный и для современной лингвопоэтики: как это сделано? Ответ на этот вопрос возможен только при принятии формальной стороны текста в качестве самостоятельного объекта изучения.

В отношении фантастической литературы поиск ответов на этот вопрос особенно важен, поскольку само создание повествования о необычайном ведет к экспериментам с формой. Пристальное внимание к языку фантастической литературы позволяет исследователю анализировать процесс рецепции такого рода текстов и погружения читателя в изображаемый мир. Более того, этот процесс наблюдается отчетливее, чем в случае с реалистической прозой, поскольку для фантастической прозы характерна насыщенность стилистически маркированными единицами в контекстах, которые преимущественно нейтральны в реалистических произведениях (например, описания интерьеров, предметов быта, традиций и порядков).

Л. В. Красникова отмечает в своей работе «О специфике лингвопоэтического исследования художественного текста», что продуктивность лингвопоэтического анализа напрямую зависит от насыщенности текста стилистически маркированными языковыми единицами и «подлинный интерес лингвопоэтическое исследование художественного текста представляет в том случае, если сам текст является достаточно сложным как в содержательном, так и в языковом плане» [8, с. 225]. Несмотря на то что данное заявление справедливо по отношению к множеству художественных текстов, лингвопоэтический анализ фантастической прозы возможен и на материале текстов, не обладающих значительной содержательной сложностью. Лингвопоэтический анализ так называемой «формульной фантастики», литературы невысокого качества, тоже может быть продуктивным, поскольку даже такие тексты будут осложнены в языковом плане. Даже тексты, в которых автор не предпринимает существенных экспериментов со стилем, могут представлять интерес: С. Мандала производит анализ таких текстов и демонстрирует, как языковые элементы с дейктической функцией позволяют авторам изображать невероятное как привычное [15, с. 95–117]. Сопоставительный лингвопоэтический анализ различных фантастических произведений позволяет выявить те или иные языковые средства и оценить их эффективность, полноту реализации их потенциала в различных контекстах.

Лингвопоэтический анализ художественного текста основывается на стилистическом анализе, но обладает и собственными методами исследования, которые разрабатывались в работах О. С. Ахмановой, а затем А. А. Липгарта и его учеников. Среди собственно лингвопоэтических методов выделяют следующие: трехуровневый анализ, лингвопоэтику художественного приема, лингвопоэтическую стра-

тификацию, лингвопоэтическое сопоставление, лингвопоэтику повествовательных типов. Данные методы эффективны при анализе художественных текстов, но лингвопоэтические исследования часто придерживаются лишь одного из вышеназванных методов, что в т.ч. связано с объемом работы, который требует их полноценная реализация, особенно если объектом исследования является крупный роман. Это, безусловно, не влияет на ценность лингвопоэтических исследований, которые отличаются особой внимательностью к деталям, но в некоторой мере ограничивают их, не позволяя провести комплексный анализ произведения, в котором бы сочтались и дополняли друг друга несколько различных методов.

Нам представляется необходимой выработка алгоритма комплексного анализа фантастических текстов, который позволит применять те или иные лингвопоэтические методы в зависимости от конкретного материала, синтезируя их с подходами, выработанными другими областями филологии. Таким образом, лингвопоэтический анализ фантастической прозы основывается на следующих теоретических положениях:

1. Рецепция фантастической прозы в той или иной мере всегда деавтоматизирована и требует от читателя активного включения в лингвокреативную игру.

2. Эстетический эффект, которые создают фантастические произведения, зависит от баланса между остранием и правдоподобием изображаемого.

3. Данный баланс поддерживается автором (или намеренно нарушается) с помощью стилистически маркированных языковых единиц.

4. Метод (или сочетание методов) лингвопоэтического анализа должен быть избран исследователем на основе выделения языковых единиц с наибольшей лингвопоэтической значимостью.

5. Целью комплексного лингвопоэтического анализа должен быть не исчерпывающий анализ произведения в целом, а анализ ключевых языковых средств и приемов, используемых автором, и их лингвопоэтических функций (т.е. их роли в раскрытии идейного содержания текста и создании эстетического эффекта, специфичного для фантастики).

Рассмотрим несколько примеров, которые демонстрируют возможности применения комплексного лингвопоэтического анализа на материале фантастической прозы. Поскольку провести полный анализ в рамках статьи невозможно, мы ограничимся анализом наиболее типичных для фантастической прозы приемов.

Так, в любом фантастическом тексте можно выделить реалии, которые являются основными элементами миростроения, выражая новые для читателя предметы и явления. Реализация реалий в тексте чаще всего осуществляется посредством

неологизмов и неосем. Исследователь (и читатель) может столкнуться с тем, что трехуровневый анализ оказывается невозможен: на семантическом уровне зачастую сложно установить понятийное содержание реалий, поскольку оно конструируется за счет контекста, сочетаемости слова, иногда – его формальных признаков. Метасемиотический уровень анализа становится основным, поскольку читатель конструирует образ той или иной реалии на понятийном уровне вместе с коннотациями, в сложной связи с другими реалиями. Система реалий отражает фантастический мир произведения, который непосредственно связан с идейно-художественным содержанием текста.

Важность реалий в фантастическом тексте может показать анализ изображения всего одной реалии в романе В. Панова «Московский клуб». Роман создан в русле киберпанка, его основной конфликт, в центре которого герой-хакер, борющийся против контролирующей жизнь общества корпорации, типичен для данного направления.

Слово «хакер» ни разу не употребляется в тексте романа, вместо этого «специалисты по несанкционированному извлечению информации из компьютерных сетей» называются ломщиками. Отметим, что такая номинация, во-первых, остраивает известную читателю реалию, деавтоматизирует ее восприятие, а во-вторых, позволяет вычленить общее значение («тот, кто ломает») исходя лишь из формального аспекта слова. В романе важной является оппозиция между «истинными» и «рядовыми» ломщиками, которая реализуется как оппозиция «поэт – ремесленник» (это особенно заметно при сопоставлении двух персонажей – главного героя Чайки и Риты Север: «– Чайка – хороший ломщик? – Великий». «Великие потому и считались великими, что жили в сети, дышали сетью. А ломщик Север в ней работала», «Ассоциация предпочитала обращаться к Рите и другим надежным исполнителям, к ремесленникам, а не поэтам»). Таким образом, базовое значение слова, которое читатель извлекает из формы, расширяется за счет контекста, и в результате читатель формирует сложный образ реалии. При этом коннотации, которые усваивает читатель, играют важнейшую роль для характеристики персонажей.

Интерес для исследования представляют и описания взломов сети, для которых характерно отсутствие технических терминов при обилии метафор: «как безжалостно рвет Чайка защиту информационных хранилищ», «И человек ... сметал со своего пути практически любую преграду», «Чайка сломал сеть корпорации “NDC”», «я ломал сайты девяти корпораций». Использование глаголов активного залога со значением интенсивного действия в качестве элементов метафор позволяет изобразить взлом сети как физическое действие, непосредственно осуществляемое ломщиком будто бы без техники в качестве посредника. Это позволяет

данным описаниям функционировать как часть характеристики целой группы персонажей, представляет взлом как действие с личностным началом, что развивает заметную в тексте мифологизацию образа «истинного» ломщика («Люди – рабы цифр, но те, кто вырвался из этого плена, выше. Мир принадлежит им»).

Еще одной важной чертой фантастических произведений является создание авторами вторичной культуры: это часто проявляется в использовании приема «текст в тексте», при котором в произведения включаются фрагменты произведений, существующих только в фантастическом мире. Активно этот прием используется в романе Е. Лукина «Алая аура протопарторга», причем большинство таких элементов являются вторичными текстами. Таким образом, они функционируют в тексте одновременно как полноценные элементы фантастического мира (и осознаются персонажами как таковые), так и как вторичные тексты-пародии, узнаваемые для читателя.

В центре романа два города-государства – православно-коммунистический Лыцк и Республика Баклужино. Их противостояние абсурдно, политические идеологии служат лишь оболочкой для двух сущностно одинаковых сообществ. Структурными элементами вторичных текстов в романе становятся прецедентные высказывания и тексты, ассоциирующиеся с той или иной политической или религиозной идеологией: «– Каждому – по потребности ... – Воистину по потребности...», «Когда Христос был маленький, С курчавой головой... Он тоже бегал в валенках По горке ледяной... В просторы иудейские Зашвыривал снежки...». Сама структура элементов вторичной культуры, таким образом, отражает идейно-художественное содержание произведения, высмеивающего «смешение» различных идеологий и лицемерие любой политики.

Отметим еще одну особенность фантастической литературы, которая находится «в ведении» скорее лингвистики, чем литературоведения: имитация или воссоздание естественных языковых процессов в тексте. Под этим мы подразумеваем имитацию диалектов и социолектов, которые могут функционировать в рамках «нормативного» языка, подразумеваемого автором, выражение в тексте последствий возможных языковых контактов, изображение новой «нормы» языка будущего или прошлого. Изображение данных языковых процессов в фантастическом произведении принципиально не отличается от такого в реалистической прозе, но такое изображение способствует остранению самого текста повествования, созданию особо эстетического эффекта, особенно если это связано с использованием искусственных языков.

Все эти языковые изменения часто реализуются автором через стилистически маркированные единицы, изучение которых без анализа изобра-

жаемого языкового процесса был бы неполным. С. Мандала рассматривает данные явления и убедительно доказывает, что они затрагивают все уровни языка и имеют не только стилистическую, но и лингвопоэтическую значимость, служат средствами выражения художественного содержания произведения. Исследователь использует при анализе концепцию «встроенного дискурса» (“embedded discourse”), разработанную М. Шортом при изучении языка драмы, и заимствует внутритекстовые стратегии, характерные для постколониальной литературы – апроприацию (“appropriation”) и аннулирование (“abrogation”). Синтез данных концепций позволяет С. Мандале показать, как языковой контакт отражает культурный сдвиг, при котором английский более не является мировым языком [15, с. 37–69].

Работа С. Мандала является примером применения различных лингвистических методов и концепций при лингвопоэтическом анализе (автор называет этот подход “literary-linguistic approach”). Анализ языковых изменений в фантастических произведениях необходим, поскольку изображение таких явлений тесно связано с художественным миром произведения и его идейно-тематическим содержанием. При таком анализе представляется эффективным использование как упомянутых выше концепций, так и опыта исследований в области социолингвистики.

Таким образом, лингвопоэтика привлекает многих исследователей точностью результатов анализа художественного текста и разнообразием методов. Фантастическая проза представляет нам особенно интересным объектом для такого рода анализа вследствие неизбежной сложности рецепции таких текстов, обусловленной элементом необычайного, который является их неотъемлемой частью. Лингвопоэтический анализ фантастических произведений обладает большим потенциалом и может проводиться не только на основе собственно лингвопоэтических методов, но и комплексно, в сочетании с другими методами и теориями, которые позволяют выявить роль различных стилистически маркированных единиц в раскрытии идейно-художественного содержания произведения и связи между ними в рамках системы текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 173 с.
2. Вербицкая М. В. Теория вторичных текстов (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 47 с.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2006. 144 с.
4. Гусарова А. Д. Как создается мир фэнтези (к вопросу о требовании психологического правдоподобия в фантастике) // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. 2017. №1(162). С. 86–89.

5. Карпова Л. С. Лингвопозитика повествовательных типов и другие методы лингвопозитического исследования // Вестник ИГЛУ. 2009. №2(6). С. 35–37.
6. Ковтун Е. Н. Поэтика необычайного. Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (на мат-ле европейской литературы первой половины XX в.). М.: изд-во МГУ, 1999. 308 с.
7. Ковтун Е. Н. Художественный вымысел в литературе XX в. М.: Высшая школа, 2008. 406 с.
8. Красникова Л. В. О специфике лингвопозитического исследования художественного текста // МНКО. 2014. №3(46). С. 224–227.
9. Липгарт А. А. Основы лингвопозитики: учеб. пособие. М.: КомКнига, 2007. 168 с.
10. Лукин Е. Алая аура протопарторга. М.: Вече, 2018. 256 с.
11. Олянич А. В., Рыльщикова Л. М. Лингвосемиотическая креативность в дискурсивном пространстве научной фантастики: Прологомены к определению // Вестник ВолГУ. Сер. 2: Языкознание. 2016. №4. С. 237–244.
12. Панов В. Московский клуб. М.: Эксмо, 2010. 480 с.
13. Рыльщикова Л. М. Типология лингвокреатива в научно-фантастическом дискурсе // Дискурс-Пи. 2016. №3–4. С. 127–134.
14. Шкловский В. Б. О теории прозы. М.: Круг, 1925. С. 7–20.
15. Mandala S. Language in Science Fiction and Fantasy. Continuum International Publishing Group, London (UK), 2010. 186 p.

Поступила в редакцию 22.02.2020 г.

SCI-FI AND FANTASY PROSE AS AN OBJECT OF LINGUOPOETIC ANALYSIS

© D. D. Lozhkina

*Bashkir State University
32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

Phone: +7 (347) 229 97 21.

Email: salieri09@gmail.com

Reception of sci-fi and fantasy texts depends on the balance of estrangement and plausibility within a given text. This balance is created through language means, making sci-fi and fantasy texts an interesting object for linguopoetic analysis. The main goal of such analysis is to examine stylistically marked language means and evaluate their role in creating aesthetic effect and revealing the message. So, most of the stylistic devices in sci-fi and fantasy prose are thematically relevant and therefore have linguopoetic value. There is a number of methods that were developed within linguopoetics, such as three-level analysis, linguopoetics of stylistic devices, linguopoetic stratification, etc., and all of them can be efficient in the analysis of sci-fi and fantasy prose. In the article, the author also gives examples of other methods that can be applied in the linguopoetic analysis. While linguopoetic methods are very effective, they are rarely combined within one study (mainly because of the volume of work they require). The author of the study argues that linguopoetic methods and other linguistic methods can be applied in a complex analysis, taking note not only of functions of certain language means, but of their relations to each other and to the text as a whole. Some of the core principles that can help to choose a necessary combination of methods for linguopoetic analysis are given in the article along with brief analysis that demonstrates potential of comprehensive study of the use of culture-specific units and secondary texts in sci-fi and fantasy.

Keywords: sci-fi, fantasy, prose, linguopoetics, linguopoetic value, culture-specific units, estrangement, secondary texts.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Valgina N. S. Teoriya teksta [The theory of text]. Moscow: Logos, 2003.
2. Verbitskaya M. V. Teoriya vtorichnykh tekstov (na materiale sovremennogo angliiskogo yazyka): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow, 2000.
3. Gal'perin I. R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an object of linguistic study]. M: KomKniga, 2006.
4. Gusarova A. D. Uchenye zapiski Petrozavodskogo gos. un-ta. 2017. No. 1(162). Pp. 86–89.
5. Karpova L. S. Vestnik IGLU. 2009. No. 2(6). Pp. 35–37.
6. Kovtun E. N. Poetika neobychnogo. Khudozhestvennye miry fantastiki, volshebnoi skazki, utopii, pritchi i mifa (na materiale evropeiskoi literatury pervoi poloviny XX v.) [Poetics of the unusual. The artistic worlds of fantasy and science fiction, fairy tales, utopias, parables and myths (on the material of European literature of the first half of the 20th century)]. Moscow: izd-vo MGU, 1999.
7. Kovtun E. N. Khudozhestvennyi vymysel v literature XX v. [Fiction in the literature of the 20th century]. Moscow: Vysshaya shkola, 2008.
8. Krasnikova L. V. MNKO. 2014. No. 3(46). Pp. 224–227.
9. Lipgart A. A. Osnovy lingvopoetiki: ucheb. posobie [Basics of linguopoetics: textbook]. Moscow: KomKniga, 2007.
10. Lukin E. Alaya aura protopartorga [Scarlet aura of the protopartorg]. Moscow: Veche, 2018.
11. Olyanich A. V., Ryl'shchikova L. M. Vestnik VolGU. Ser. 2: Yazykoznanie. 2016. No. 4. Pp. 237–244.
12. Panov V. Moskovskii klub [Moscow club]. Moscow: Eksmo, 2010.
13. Ryl'shchikova L. M. Diskurs-Pi. 2016. No. 3–4. Pp. 127–134.
14. Shklovskii V. B. O teorii prozy [On the theory of prose]. Moscow: Krug, 1925. Pp. 7–20.
15. Mandala S. Language in Science Fiction and Fantasy. Continuum International Publishing Group, London (UK), 2010.

Received 22.02.2020.